

О воде, архитектуре и парках города

Цапля сказала, что её отношения с этим городом могли бы напоминать отношения с любимым мужем: долгое житие вместе и чувства — от страстной влюблённости до раздражённости и прощения. Город и в самом деле как чувство: оно обитает где-то в пространстве между парками с романтическими названиями, набережной и запущенностью — покинутостью “кварталов Достоевского”. Город-чувство всегда присутствует в среде восприятия, он растворяется, ослабевает или переполняет, но никогда не исчезает из поля внутреннего зрения.

Возможно, следовало бы написать эссе о присутствии воды. Обилие воды в городе всегда навеивает некую меланхолию и раздумья об идеях прогресса, о безнадёжности этих идей. Была такая статья — о направлении воды в городе. Если город основывался на левом берегу реки — это к динамизму, а если на правом, то вся жизнь в этом городе весьма консервативна. (Рига, например, основана на правом.) Вода — это сфера исторической памяти города, города вообще — как организма. Это сфера торговых путей, флота, утопленников, мостов и наводнений, которые формируют коллективную память и индивидуальную чувствительность. Об этом рассказывает литература — вот Аушенбах у Т. Манна проникся плохим предчувствием, когда Венеция его встретила пасмурностью и дождём.

видны крыши Петербурга и шпиль Петропавловки. Он похож на любой город, где пьют чай на квартирах и ведут ночные разговоры. Мы держались за хрупкую дверь, границу этой террасы, и вели разговоры о состоянии самих себя и этого волшебного пространства, которое называется Петербург. Этот вечер как-то озаменовал характеристику Петербурга с архитектурной точки зрения, с точки зрения доходных домов и чердачных квартир, переосмысления времени. Вдали виднелись минареты то ли табачной фабрики конца девятнадцатого века, то ли мечети.

Я думаю, что этот город тоталитарен — в настроении, классической архитектуре, историческом наследии и коллекции Эрмитажа. Это глубокая обречённость ассоциации Петербурга — Европы — самодер-

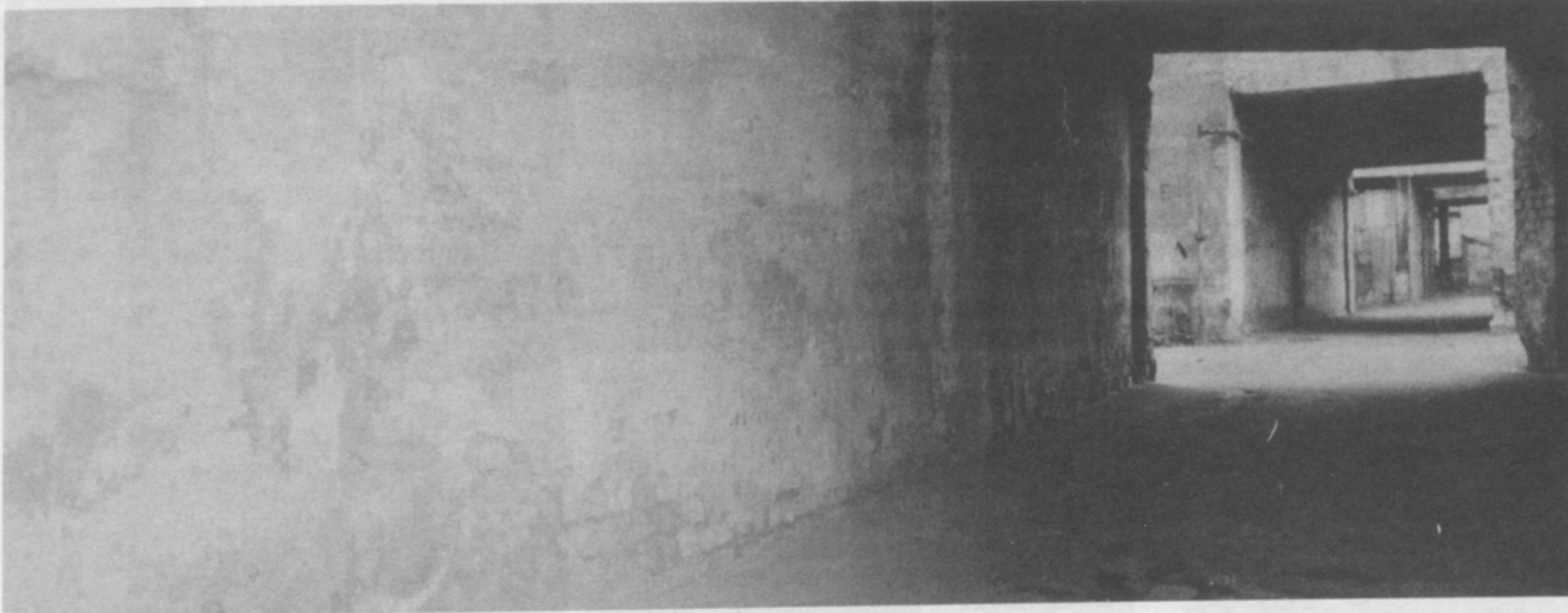

Фото: АП

А в Петербурге, например, разводят мосты.

В воду можно плевать, бросать разные вещи, нырять и осознавать себя на границе этой стихии. Вода к тому же переносчик инфекции.

Город — это цепь впечатлений. Впечатления — это, наверно, мой разговор с городом.

Тема востока и европейского города тоже в последнее время занимает меня. Петербург для нас — это восток, но в то же время — это Европа. Концепция овосточивания Европы совсем не оригинальна, но город и восток — это совсем как город и настоящее. Овосточивание — это, возможно, черта городов на границе, это было заметно в Вене. Лондон, наверно, овосточился из-за множества колоний. И ещё это очень заметно на Невском — нечто очень китайское во множестве рекламных полотен. Невский — это самая восточная улица города.

В Летнем саду я была осенью. Пушкин гулял в тапочках. Сад был полон народу, люди прогуливались, собирали листья и плели рыжие венки. В это воскресенье никто никуда не спешил, и в этом наплевательском отношении к повседневности и успеваемости тоже было что-то характерное, не от Европы.

Из квартиры у Глюквы можно выйти на маленькую террасу — крышу какого-то эркера. С него легко свалиться с высоты 7—8—9-го этажа. Но с него также

жавия, вроде великих литературных имён и отстранённого полёта мысли. Поэтому, наверно, кажется, что город — это не среда, это ежечасное событие, которое преследует его обитателя.

Из сего следует абстрактное заключение, что город — это время. Ведь понятие динамичного, хаотичного времени и наследственности присуще в основном горожанам.

Возможно, это и была ошибка в расчёте идеального города Ренессанса — статичная конструктивность не является признаком мечты и свободы интерпретации.

Этот город, наверно, не идеален, но меня подкупают цинизм и его закоренелая романтичность. Ещё мне сказали, что в Петербурге обычная форма обращения — это на “вы”. Теперь я больше не знаю, как обращаться к людям в Риге. Лингвистика и разговор города — это тоже отдельный сюжет. Кинотеатр “Баррикада”, кафе “Мороженое”, “Военная книга” и само понятие булочной уже создают атмосферу. Возможно, что и в самом деле ключ к смыслу и пониманию настроения кроется в словах и названиях.

А мы почти забрались на “Аврору”, с известной долей революционности = анархизма. Ведь в этом городе я всегда гость, создающий свою мифологию настоящего пространства.